

Научная статья

УДК 314.4

DOI: 10.17213/2075-2067-2022-4-192-203

РИСКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Виктория Георгиевна Семенова¹, Алла Ефимовна Иванова^{2✉}

^{1,2}*Институт демографических исследований — обособленное подразделение
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН), Москва, Россия*

¹*vika-home@yandex.ru, ORCHID: 0000-0002-2794-1009, AuthorID РИНЦ: 76028*

²*ivanova-home@yandex.ru✉, ORCHID: 0000-0002-0258-3479, AuthorID РИНЦ: 71275,
AuthorID Scopus: 24329092500*

Аннотация. Целью исследования является оценка потерь российской молодежи, определяемых поведенческими факторами риска, в первую очередь девиантным поведением.

Методология. Анализ основан на данных Росстата о смертности населения 15–24 лет в нозологическом аспекте. Индикатором потерь, связанных с девиантным поведением, является смертность, обусловленная насилием, направленным как вовне, так и на себя (убийства и самоубийства), а также последствиями алкоголизма и наркомании. Кроме того, поскольку речь идет о молодежи, нельзя исключить риски, обусловленные небезопасным сексуальным поведением, в первую очередь за счет смертности от ВИЧ.

Результаты. В последнее десятилетие отмечены позитивные сдвиги потерь, обусловленных девиантным поведением, темпы которых превышают темпы сокращения общей смертности российской молодежи. В контексте девиантного поведения на фоне суицида как основной константы потерь на смену алкоголя пришли наркотики, при этом все более существенным фактором становится рискованное сексуальное поведение (случайные связи, незащищенный секс).

Перспективы исследования заключаются в изучении региональной вариации летальных исходов девиантного поведения и определяющих его факторов.

Ключевые слова: молодежь, девиантное поведение, насилие, смертность, алкоголь и наркотики, небезопасное сексуальное поведение, ВИЧ

Для цитирования: Семенова В.Г., Иванова А.Е. Риски девиантного поведения российской молодежи // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 4. С. 192–203. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-4-192-203>.

Original article

RISKS OF DEVIANT BEHAVIOR OF RUSSIAN YOUTH

Victoria G. Semyonova¹, Alla E. Ivanova^{2✉}

^{1,2}*Institute for Demographic Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (IDR FCTAS RAS), Moscow, Russia*

¹*vika-home@yandex.ru*, ORCHID: 0000-0002-2794-1009, AuthorID RSCI: 76028
²*ivanova-home@yandex.ru*✉, ORCHID: 0000-0002-0258-3479, AuthorID RSCI: 71275,
AuthorID Scopus: 24329092500

Abstract. *The purpose of the study is to assess the losses of Russian youth, determined by behavioral risk factors, primarily deviant behavior.*

Methodology. *The analysis is based on Rosstat data on the mortality of the population of 15–24 years in the nosological aspect. Indicators of losses associated with deviant behavior are mortality due to violence directed both outwardly and at oneself (murder and suicide), as well as the consequences of alcoholism and drug addiction. In addition, since young people are concerned, the risks posed by unsafe sexual behaviour cannot be ruled out, primarily through HIV-related mortality.*

Results. *Over the past decade, there have been positive shifts in losses due to deviant behavior, the pace of which exceeds the rate of reduction in the overall mortality of Russian youth. In the context of deviant behavior against the background of suicide as the main constant of loss, drugs have replaced alcohol, while risky sexual behavior (accidental relationships, unprotected sex) is becoming an increasingly significant factor.*

The prospects of the study *are to study the regional variation of lethal outcomes of deviant behavior and the factors that determine it.*

Keywords: *youth, deviant behavior, violence, mortality, alcohol and drugs, unsafe sexual behavior, HIV*

For citation: *Semyonova V. G., Ivanova A. E. Risks of Deviant Behavior of Russian Youth // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(4): 192–конеч. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-4-192-203>.*

Введение. Актуальность потерь здоровья российской молодежи определяется не только гуманитарными и социально-экономическими соображениями, но, в первую очередь, соображениями демографическими: в силу сформировавшейся в настоящее время возрастной структуры населения России, в высшей степени неблагоприятной, наша страна просто не может себе позволить потери среди молодежи, очевидно преждевременные и в значительной мере предотвратимые. Несмотря на снижение смертности российской молодежи после 2005 г., показатели остаются в 2,5 раза выше, чем в среднем в Европе, для мужчин и в 1,5 раза — для женщин [1; 6].

Целью исследования является оценка потерь российской молодежи, определяемых поведенческими факторами риска, в первую очередь, девиантным поведением группы 15–24-летних, которая в значительной мере формируется за счет учащейся молодежи — школьников старших классов, студентов вузов и колледжей.

Материалы и методы. Индикатором потерь, связанных с девиантным поведением, является смертность, обусловленная насилием, направленным как вовне, так и на себя (убийства и самоубийства), а также последствиями алкоголизма и наркомании. Кроме того, поскольку речь идет о молодежи, нельзя исключить риски, обусловленные небезопасным сексуальным поведением, в первую очередь за счет смертности от ВИЧ.

Анализ основан на данных Росстата о смертности населения 15–24 лет в нозологическом аспекте.

Оценка смертности от суицидов проведена как на основании официально зарегистрированных инцидентов (Х60–Х84), так и с учетом латентной компоненты, в которую включены повешения/удушения (Y20) и прыжки/падения с высоты с неопределенными намерениями (Y30) [4].

Оценка смертности от причин, ассоциированных с алкоголем, проведена совокупно с учетом потерь от алкогольных отравлений (Х45, Y15), психических расстройств,

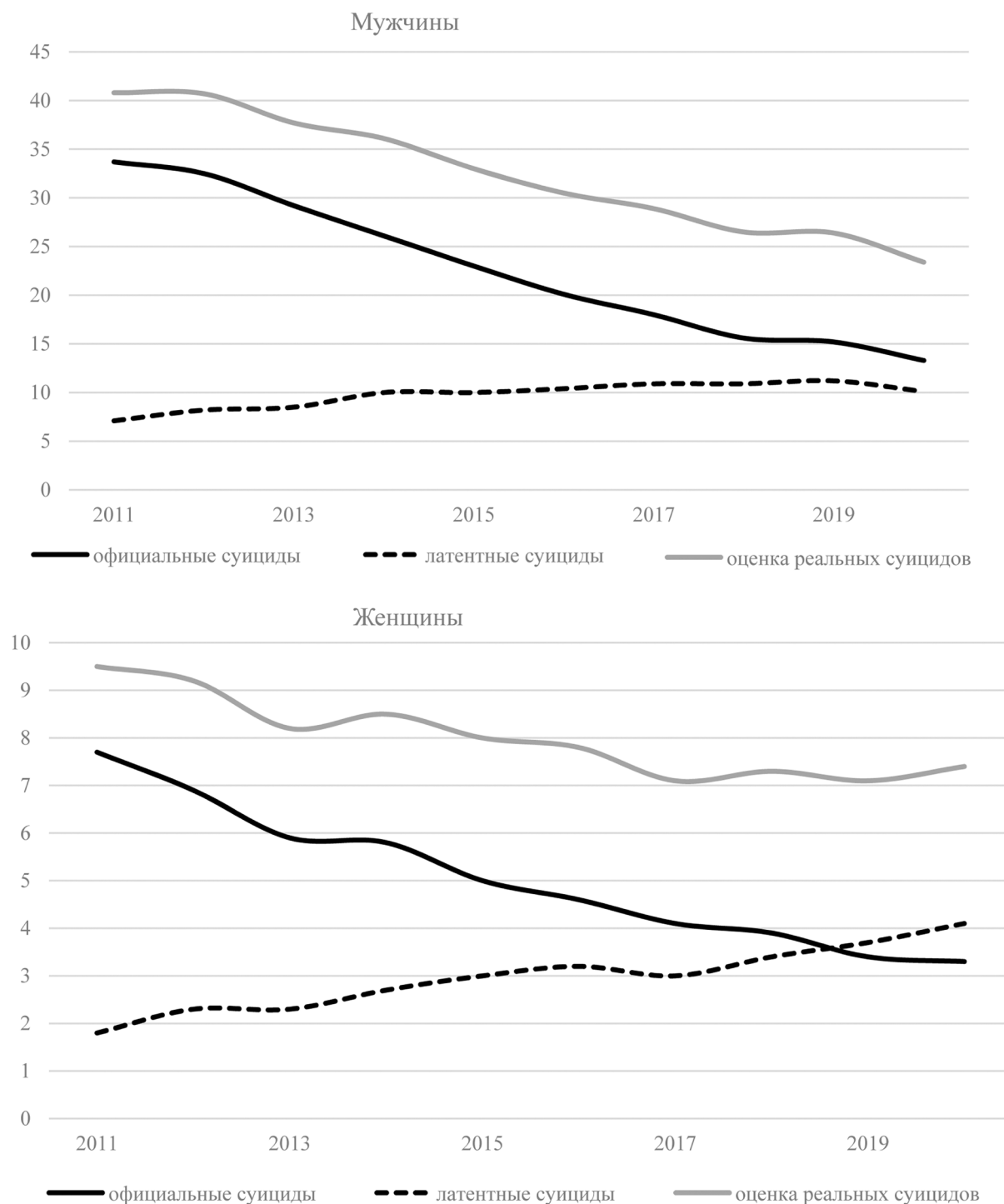

Рис. 1. Динамика смертности 15–24-летнего населения России от официально зарегистрированных суицидов (X60-X84), латентных суицидов (Y20, Y30) и оценочных уровней суицидальной смертности (X60-X84, Y20, Y30) (стандартизованный показатель на 100000)

Fig. 1. Dynamics of mortality of the 15–24-year-old population of Russia from officially registered suicides (X60-X84), latent suicides (Y20, Y30) and estimated levels of suicidal mortality (X60-X84, Y20, Y30) (standardized indicator per 100,000)

вызванных употреблением алкоголя (F10), а также алкогольных кардиомиопатии (I42.6), цирроза печени (K70) и дегенерации нервной системы, вызванной алкоголем (G31.2) [3].

Оценка смертности от причин, ассоциированных с наркотиками, проведена совокупно с учетом отравлений наркотиками (случайных и с неопределенными намерениями) (X42 и Y12) и психических расстройств, вызванных употреблением наркотиков (F11-F16, F19) [3].

В силу особенностей учета смертности в постсоветский период оценка реальных масштабов потерь, обусловленных девиантным поведением, возможна только с 2011 г.

Результаты и обсуждение. Оценивая изменение суицидальной смертности российской молодежи по официальным показателям, укажем, что ситуация в этот период складывалась более чем благоприятно: в 2011–2020 гг. суицидальная смертность 15–24-летних сни-

зилась в 2,5 раз в мужской и в 2,3 раза в женской популяции.

Однако возникает вопрос: насколько полно отражены потери вследствие суицидов официальной статистикой?

Нельзя забывать, что в Международной классификации болезней 10 пересмотра (МКБ-10), помимо блока «Самоубийства» (X60-X84), латентный резервуар суицидов присутствует в блоке «Повреждения с неопределенными намерениями»¹: ряд проведенных ранее исследований показал, что потенциальной базой латентных суицидов являются повешения/удушения (Y20) и прыжки/падения с высоты с неопределенными намерениями (Y30) [4].

К сожалению, сдвиги латентной компоненты суицидов в 2010-е гг., в отличие от официальных показателей, носят выраженный негативный характер: смертность от этих причин выросла в мужской популяции на 42,3 %, в женской — в 2,3 раза.

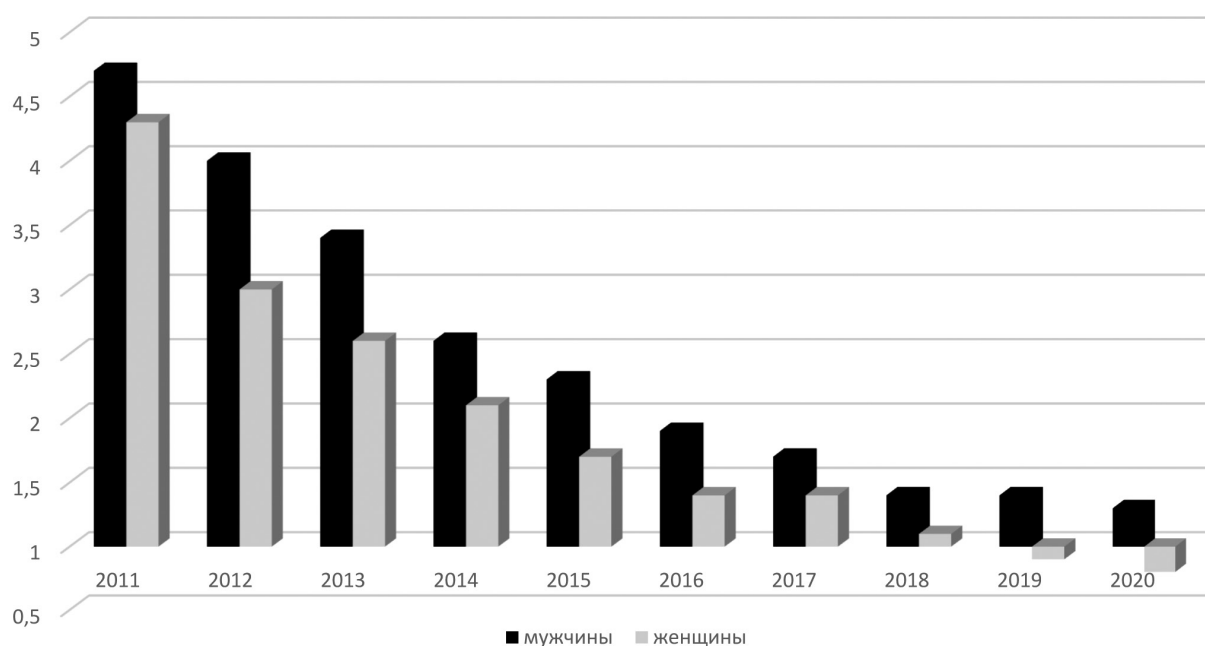

Рис. 2. Соотношение смертности российской молодежи от официально зарегистрированных (X60-X84) и латентных (Y20, Y30) суицидов в 2010-е гг. (латентный уровень принят за 1)

Fig. 2. The ratio of mortality of Russian youth from officially registered (X60-X84) and latent (Y20, Y30) suicides in the 2010s (latent level is taken as 1)

¹ В соответствии с МКБ-10 этот блок включает случаи, когда доступной информации недостаточно, чтобы медицинские и юридические эксперты могли сделать вывод о том, является ли данный инцидент несчастным случаем, самоповреждением или насилием с целью убийства или нанесения повреждений. Таким образом, сюда включены самоповреждения ... при отсутствии указаний на их характер — случайный или преднамеренный.

С учетом латентной компоненты темпы позитивных трендов суицидальной смертности российской молодежи сокращаются до 42,6% и 22,1% соответственно.

Кроме того, следует отметить еще одно достаточно негативное обстоятельство: если в 2011 г. официальные уровни суицидальной смертности более чем четырехкратно превышали латентные показатели, то к 2020 г. в мужской популяции это превышение сократилось до 31,7%, у девушек же в 2020 г. уровень латентной суицидальной смертности почти на четверть превысил официальные показатели.

Характеризуя тренды смертности от убийств, отметим, что, судя по официальным данным, насильственная смертность российской молодежи в 2010-е гг. снизилась в 4,6 и 4,4 раза соответственно.

При этом так же, как и в случае самоубийств, официальные данные явно не полностью отражают масштабы и тенденции насильственной смертности. Оценки, проведенные для населения трудоспособного возраста, свидетельствуют, что уровень смерт-

ности от убийств в действительности как минимум вдвое выше для мужчин и в полтора раза — для женщин [5].

Характеризуя совокупные потери, обусловленные алкоголем (вследствие как внешних, так и соматических причин), отметим, что сдвиги 2010-х гг. являются безусловно позитивными: в этот период смертность алкогольной этиологии среди российской молодежи снижалась 2,5-кратно в мужской и 3,5-кратно в женской популяции.

К сожалению, вектор смертности вследствие наркомании является противоположным: в период исследования искомые показатели выросли соответственно в 2,3 раза и более чем 1,5-кратно.

Довольно существенной представляется смена факторов риска смертности российской молодежи в контексте психоактивных препаратов, наблюдавшаяся в последнее десятилетие: если в 2011 г. смертность, ассоциированная с алкоголем, существенно превышала потери вследствие наркомании, то к 2020 г. картина изменилась принципиально: в 2020 г. потери, обусловленные нар-

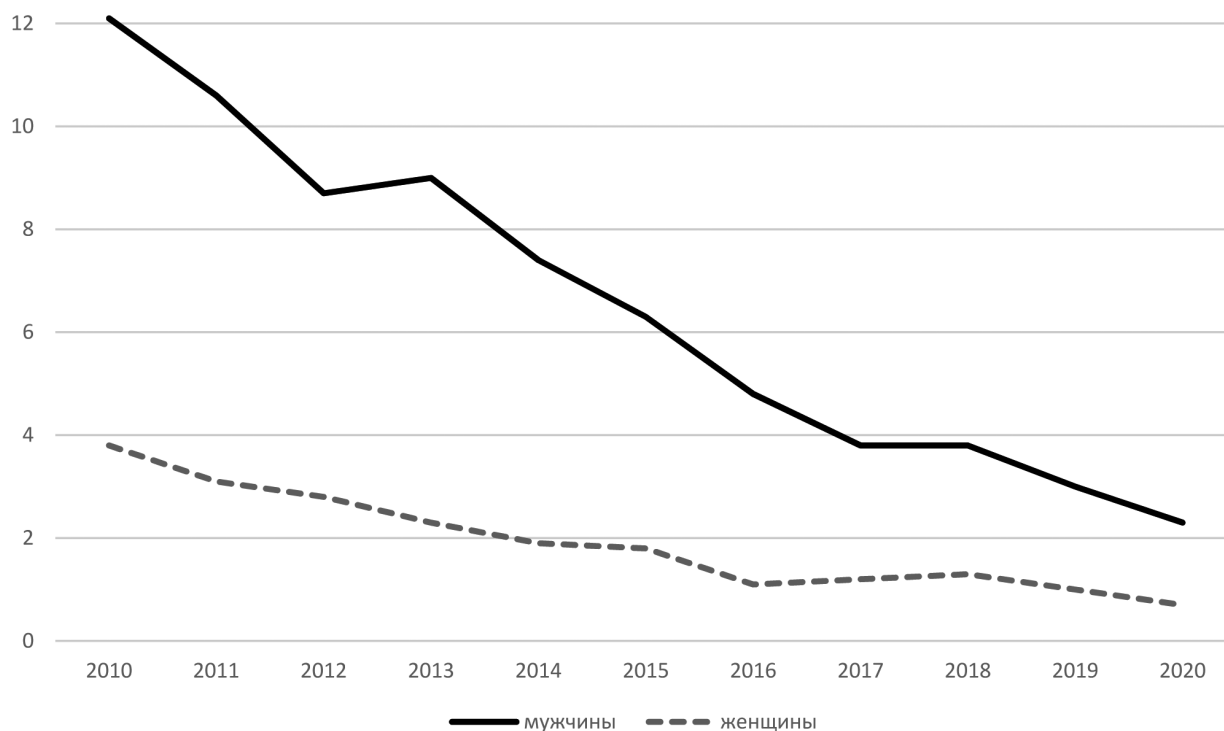

Рис. 3. Динамика смертности российской молодежи от убийств в 2010-е гг. (стандартизованный коэффициент смертности на 100000)

Fig. 3. Dynamics of mortality of Russian youth from homicides in the 2010s. (standardized mortality rate per 100,000)

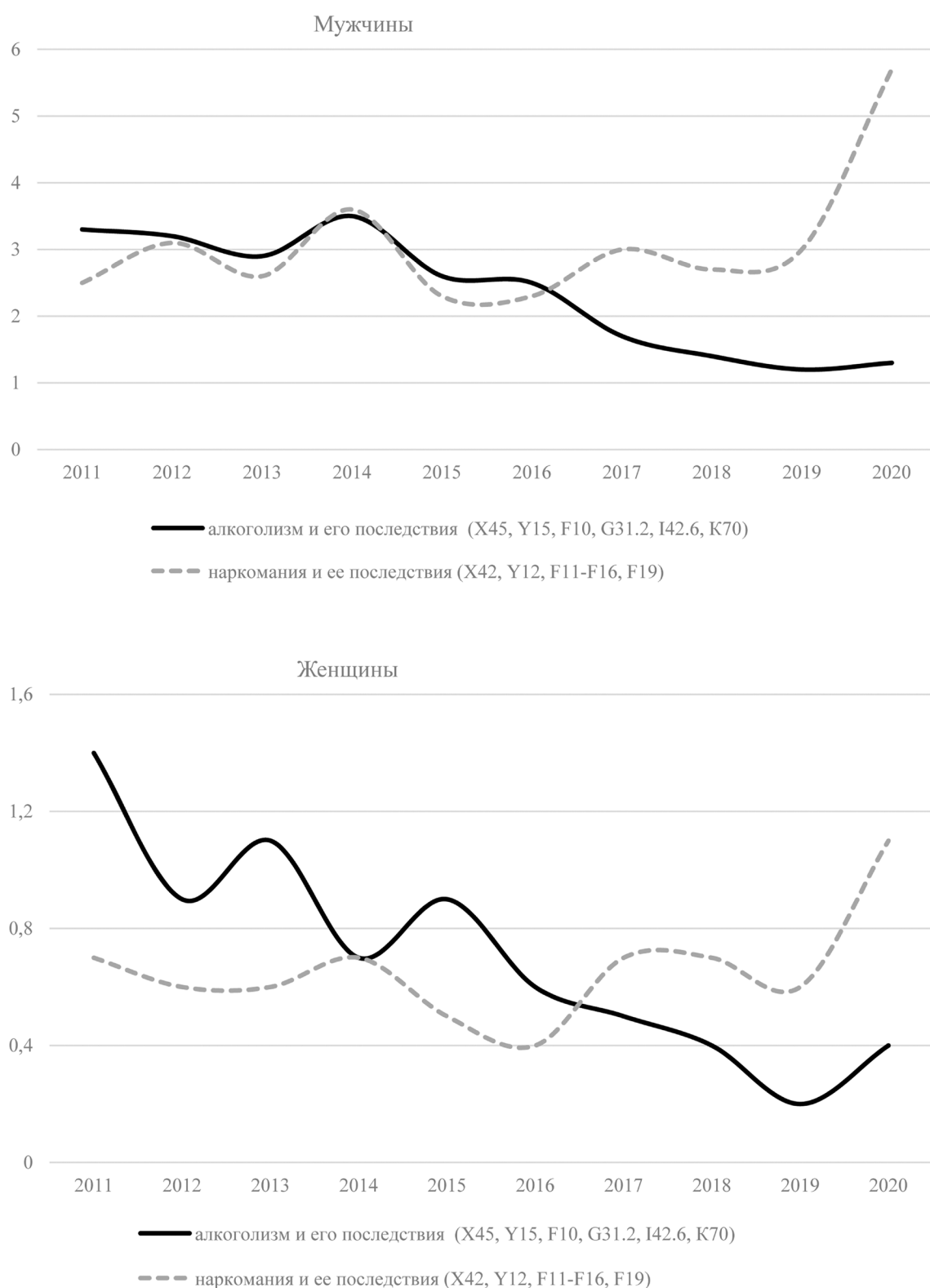

Рис. 4. Динамика смертности российской молодежи от причин смерти, ассоциированных с алкоголем и наркотиками в 2010-е гг. (стандартизованный коэффициент, на 100 тыс.)

Fig. 4. Dynamics of mortality of Russian youth from causes of death associated with alcohol and drugs in the 2010s. (standardized coefficient, per 100 thousand)

Таблица 1

Table 1

Динамика смертности российской молодежи от всех причин, в том числе обусловленных девиантным поведением (стандартизованный коэффициент на 100 тыс.)
Dynamics of mortality of Russian youth from all causes, including those caused by deviant behavior (standardized coefficient per 100 thousand)

Год	Мужчины		Женщины	
	все причины	в т.ч. связанные с девиантным поведением	все причины	в т.ч. связанные с девиантным поведением
2011	177,6	58,2	62,9	15,8
2012	174,2	56,6	59,6	14,8
2013	168	53,2	54,6	13,4
2014	165,8	51,6	54,9	13,2
2015	144,2	45,6	51,7	12,8
2016	131,4	41,3	46,6	11,9
2017	120,7	38,3	44	11,2
2018	112,6	35,5	43	11,5
2019	108,9	34,1	41,4	10,3
2020	110,2	33,4	43	10,7

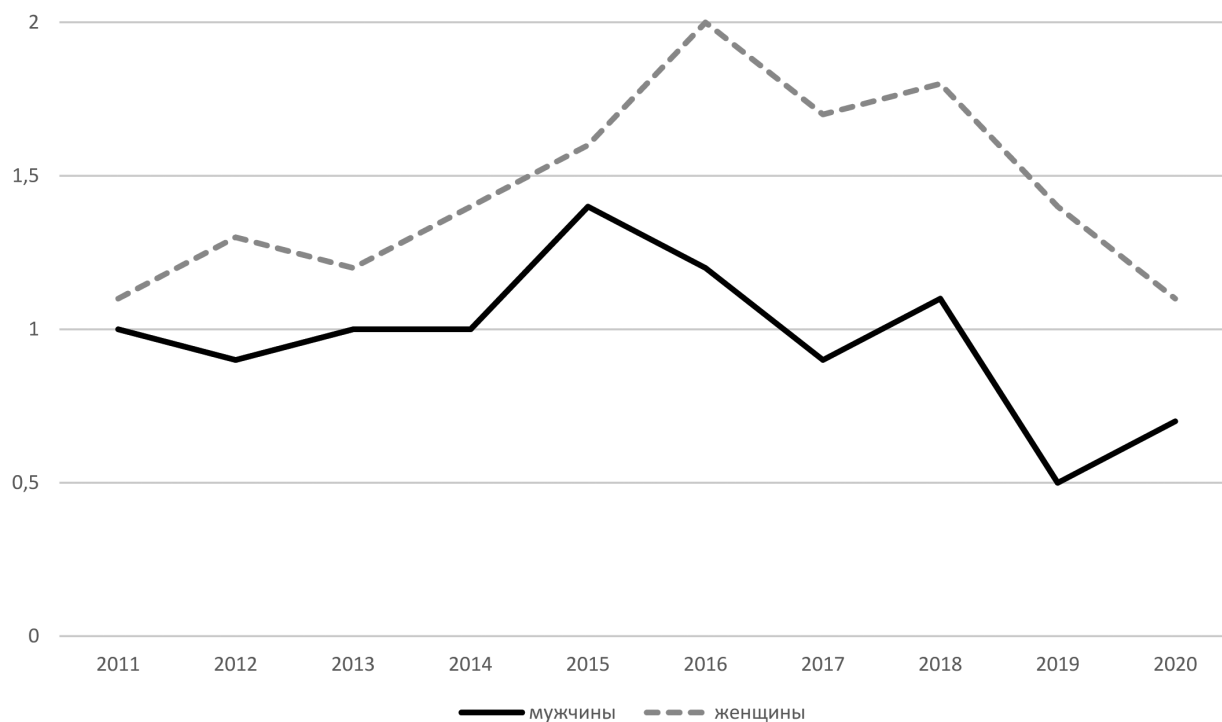

Рис. 5. Динамика смертности российской молодежи от ВИЧ в 2010-е гг.
 (стандартизованный коэффициент на 100 тыс.)

Fig. 5. Dynamics of mortality of Russian youth from HIV in the 2010s.
 (standardized coefficient per 100 thousand)

команий, превысили алкогольную смертность в 4,4 раза в мужской и в 2,8 раз в женской популяции.

Обсуждая риски, обусловленные девиантным сексуальным поведением, укажем, что смертность от ВИЧ в первой половине 2010-х годов достаточно устойчиво росла, во второй — снижалась, вследствие чего в мужской популяции в последнее десятилетие она

снизилась на 30%, в женской — уровни 2011 и 2020 гг. оказались сходными.

Говоря о потерях от ВИЧ, следует отметить достаточно редкий феномен, а именно: устойчивое превышение смертности в женской популяции над мужскими показателями [2], приблизившееся в 2020 г. к 60%.

Оценивая тенденции совокупной смертности российской молодежи, обусловлен-

Таблица 2
Table 2

**Изменения структуры потерь российской молодежи
 вследствие девиантного поведения в 2010-е гг., %
 Changes in the structure of losses of Russian youth due to deviant behavior in the 2010s., %**

Год	Суициды (суммарно)	Причины, ассоциированные с алкоголем	Причины, ассоциированные с наркотиками	Убийства	ВИЧ	Все причины, связанные с девиантным поведением
<i>Мужчины</i>						
2011	70,1	5,7	4,3	18,2	1,7	100
2012	71,9	5,7	5,5	15,4	1,6	100
2013	70,9	5,5	4,9	16,9	1,9	100
2014	70	6,8	7	14,3	1,9	100
2015	72,4	5,7	5	13,8	3,1	100
2016	73,8	6,1	5,6	11,6	2,9	100
2017	75,5	4,4	7,8	9,9	2,3	100
2018	74,6	3,9	7,6	10,7	3,1	100
2019	77,4	3,5	8,8	8,8	1,5	100
2020	70,1	3,9	17,1	6,9	2,1	100
<i>Женщины</i>						
2011	60,1	8,9	4,4	19,6	7	100
2012	62,2	6,1	4,1	18,9	8,8	100
2013	61,2	8,2	4,5	17,2	9	100
2014	64,4	5,3	5,3	14,4	10,6	100
2015	62,5	7	3,9	14,1	12,5	100
2016	65,5	5	3,4	9,2	16,8	100
2017	63,4	4,5	6,3	10,7	15,2	100
2018	63,5	3,5	6,1	11,3	15,7	100
2019	68,9	1,9	5,8	9,7	13,6	100
2020	69,2	3,7	10,3	6,5	10,3	100

ные девиантным поведением, подчеркнем, во-первых, формирование в 2010-е гг. позитивных сдвигов, во-вторых, превышение темпов сокращения искомых показателей над темпами снижения общей смертности российской молодежи, особенно очевидное в мужской популяции (соответственно 42,6% против 38% и 32,3% против 31,6%). В результате отмеченных сдвигов вклад потерь, обусловленных девиантным поведением, в общую смертность российской молодежи в последнее десятилетие несколько снизился (с 32,8% до 30,3% у мужчин и 25,1% до 24,9% у женщин), но все еще определяет около трети всех потерь молодых мужчин и около четверти их ровесниц.

Крайне важной представляется существенная трансформация внутренней структуры совокупных потерь, обусловленных девиантным поведением. Первое, что следует отметить, — стабильное доминирование суицидальной смертности (с учетом латентной компоненты) на фоне роста ее значимости: у мужчин с 70,1% до 77,4% в 2019 г. (2020 г., год пандемии COVID-19, стал исключением), у женщин — с 60,1% до 69,2%). Во-

вторых, рост вклада наркотической смертности (с 4,3% и 4,4% до 17,1% до 10,3%), а также смертности от ВИЧ (с 1,7% и 7% до 2,1% и 10,3% соответственно). В-третьих, на этом фоне снизилась доля смертности, обусловленной алкоголем (с 5,7% и 8,9% до 3,9% и 3,7% соответственно) и убийствами (с 18,2% и 19,6% до 6,9% и 6,5% соответственно).

Безусловный интерес представляют сдвиги потерь, обусловленных девиантным поведением, в первый год пандемии COVID-19. Следует отметить тот факт, что на девушках пандемия сказалась более остро, чем на мужчинах (3,9%-й рост показателей против 2,1%-го снижения). Отметим, что проигрыш в женской популяции был обусловлен, во-первых, 4,2%-м ростом суицидальной смертности с учетом латентной компоненты против 11,4%-го снижения ее у мужчин, во-вторых, существенно более высокими темпами роста смертности, обусловленной алкоголем (2 раза против 8,3%). При этом в женской популяции отмечены более высокие темпы позитивных сдвигов смертности от убийств (30% против 23,3%), а также 21,4%-е снижение смертно-

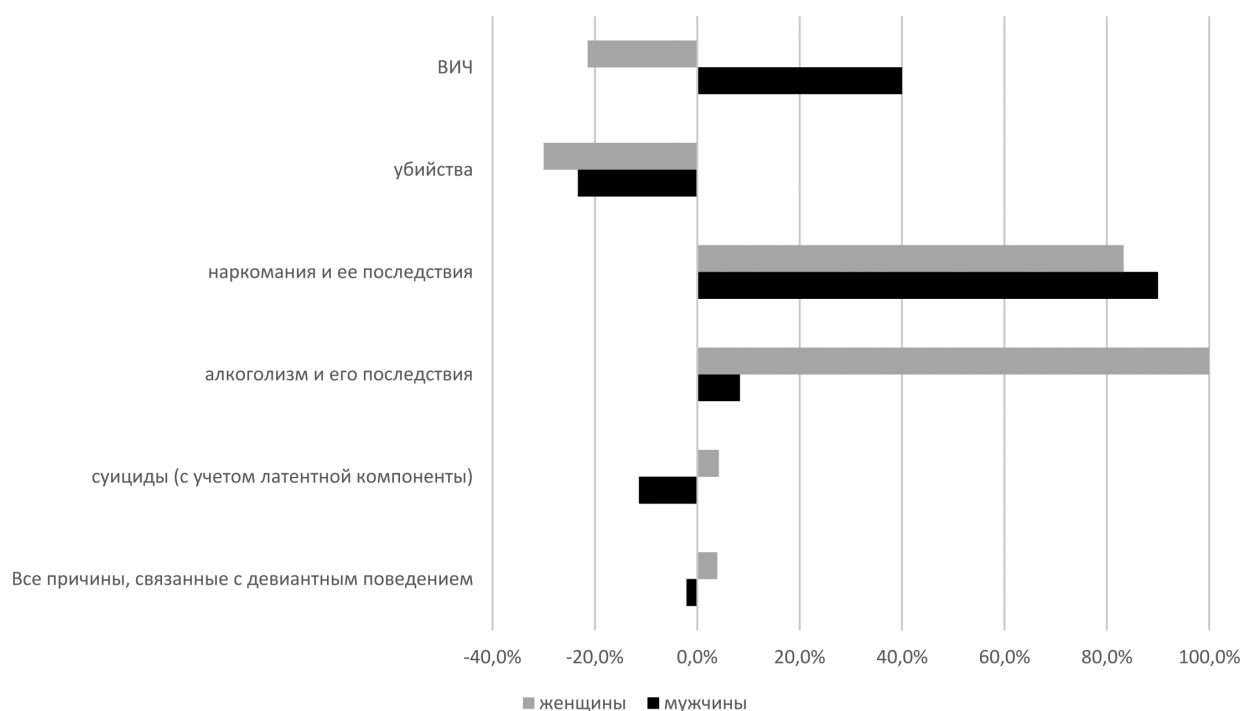

Рис. 6. Темпы изменения смертности российской молодежи от причин, обусловленных девиантным поведением, в 2019–2020 гг., %

Fig. 6. The rate of change in the mortality of Russian youth from causes caused by deviant behavior in 2019–2020, %

ти от ВИЧ на фоне 40%-го роста показателей в мужской популяции.

Заключение. Таким образом, можно констатировать, во-первых, что в последнее десятилетие отмечены позитивные сдвиги потерь, обусловленных девиантным поведением, темпы которых превышают темпы сокращения общей смертности российской молодежи.

Во-вторых, эти сдвиги обусловлены всеми ведущими причинами, за исключением наркомании и ее последствий.

В-третьих, это привело к существенной трансформации внутренней структуры совокупных потерь, обусловленных девиантным поведением: на фоне доминирования суицидов (с учетом латентной компоненты)кратно выросла значимость потерь, обусловленных наркоманией, которые в 2020 г. заняли 2-е место, а также ВИЧ/СПИД, при существенном снижении доли алкоголизма и его последствий, а также убийств.

Подводя итоги, отметим, что в контексте девиантного поведения на фоне суицида как основной константы потерь на смену алкоголю пришли наркотики, при этом все более существенным фактором становится рискованное сексуальное поведение (случайные связи, незащищенный секс).

Список источников

1. Демографическое развитие России: тенденции, прогнозы, меры. Национальный демографический доклад — 2020 / С.В. Рязанцев, В.Н. Архангельский, О.Д. Воробьева и др.; Отв. ред. С.В. Рязанцев. М.: ООО «Объединенная редакция», 2020. 156 с.

2. Иванова А.Е. Гендерные особенности смертности от ВИЧ-инфекции [Электронный ресурс] // Женщина в российском обществе. 2021. №5. С. 106–120. URL: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=24329092500>.

3. Семенова В.Г., Иванова А.Е., Михайлов А.Ю., Сабгайда Т.П., Евдокушкина Г.Н. Потери российской молодежи от внешних причин и факторы, их определяющие [Электронный ресурс] // Социальные аспекты здоровья населения. Электронный научный журнал. 2019. №6(70). URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1117/30/lang,ru/>.

4. Семенова В.Г., Иванова А.Е., Сабгайда Т.П., Зубко А.В., Запорожченко В.Г., Гаврилова Н.С., Евдокушкина Г.Н., Чижикова И.О. Потери российского населения от внешних причин и специфика их учета [Электронный ресурс] // Социальные аспекты здоровья населения. Электронный научный журнал. 2021. Т. 67. №2. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1249/30/lang,ru/>.

5. Ivanova A., Sabgaida T., Semyonova V., Zemlyanova E. To Reliability of Mortality Shifts in Working Population in Russia // The Springer Series on Demographic Methods and Population Analysis (Edt. Christos. H. Skiadas, Charilaos Skiadas) // Demography and Health Issues. Population Aging, Mortality and Data Analysis. Vol. 46. P. 107–119. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-319-76002-5_10.

6. Ryazantsev S. V., Semenova V. G., Ivanova A. E., Sabgaida T. P., Evdokushkina G. N. The Demographic Consequences of Social Deviations among Russia's Youth [Electronic resource] // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2019. Vol. 3(89). P. 240–249. URL: http://pleiades.online/contents/herald/herald3_19v89cont.htm.

References

1. Demograficheskoe razvitiye Rossii: tendencii, prognozy, mery. Nacional'nyj demograficheskij doklad — 2020 [Demographic development of Russia: trends, forecasts, measures. National demographic report — 2020]. S. V. Rjazancev, V. N. Arhangel'skij, O. D. Vorob'eva et al.; Otv. red. S. V. Rjazancev [In S. V. Ryazantsev (eds.)]. Moscow: ООО «Ob'edinennaja redakcija», 2020. 156 p.

2. Ivanova A. E. Gendernye osobennosti smertnosti ot VICH-infekcii [Gender-specific mortality from HIV infection] [Elektronnyj resurs]. Zhenshhina vrossijskom obshhestve [Woman in Russian society]. 2021; (S): 106–120. URL: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=24329092500>.

3. Semenova V. G., Ivanova A. E., Mihajlov A. Ju., Sabgajda T. P., Evdokushkina G. N. Poteri rossijskoj molodezhi ot vneshnih prichin i faktory, ih opredelajushhie [Losses of Russian youth from external causes and factors determining them] [Elektronnyj resurs]. Social'nye aspekty zdorov'ja naselenija. Elektronnyj nauchnyj zhurnal [Social aspects of public health. Electronic scientific journal].

2019; 6(70). URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1117/30/lang,ru/>.

4. Semenova V.G., Ivanova A.E., Sabgajda T.P., Zubko A.V., Zaporozhchenko V.G., Gavrilova N.S., Evdokushkina G.N., Chizhikova I.O. Poteri rossijskogo naselenija ot vneshnih prichin i specifika ih ucheta [Losses of the Russian population from external causes and the specifics of their accounting] [Elektronnyj resurs]. *Social'nye aspekty zdorov'ja naselenija. Elektronnyj nauchnyj zhurnal* [Social aspects of public health. Electronic scientific journal]. 2021; 67(2). URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1249/30/lang,ru/>.

5. Ivanova A., Sabgajda T., Semyonova V., Zemlyanova E. To Reliability of Mortality Shifts

in Working Population in Russia // The Springer Series on Demographic Methods and Population Analysis (Edt. Christos. H. Skiadas, Charilaos Skiadas) // Demography and Health Issues. Population Aging, Mortality and Data Analysis. Vol. 46. P. 107–119. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-319-76002-5_10.

6. Ryazantsev S.V., Semenova V.G., Ivanova A.E., Sabgajda T.P., Evdokushkina G.N. The Demographic Consequences of Social Deviations among Russia's Youth [Electronic resource] // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2019. Vol. 3(89). P. 240–249. URL: http://pleiades.online/contents/herald/herald3_19v89cont.htm.

Статья поступила в редакцию 09.07.2022; одобрена после рецензирования 17.07.2022; принята к публикации 10.08.2022.

The article was submitted on 09.07.2022; approved after reviewing on 17.07.2022; accepted for publication on 10.08.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Семенова Виктория Георгиевна — доктор экономических наук, главный научный сотрудник Отдела здоровья и самосохранительного поведения, Институт демографических исследований — обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН). Область научных интересов: демография, социология, факторы риска. Автор более 100 публикаций по смертности населения России.

Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1

Victoria G. Semenova — Doctor of Economic Sciences, Chief Researcher of the Department of Health and Self-preservation Behavior, Institute for Demographic Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (IDR FCTAS RAS). Research interests: demography, sociology, risk factors. Author of more than 100 publications on mortality in Russia.

6 Fotievoj st., bld. 1, Moscow, Russia

Иванова Алла Ефимовна — доктор экономических наук, профессор, заведующая Отделом здоровья и самосохранительного поведения, Институт демографических исследований — обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН).

Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1

Alla E. Ivanova — Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief of the Health and Self-preservation Behavior Department, Institute for Demographic Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (IDR FCTAS RAS).

6 Fotievoj st., bld. 1, Moscow, Russia

Вклад авторов:

Семенова В. Г. — участие в разработке концепции и методики исследования; статистическая обработка данных; написание текста.

Иванова А. Е. — разработка концепции исследования; редактирование текста; обсуждение результатов и выводы.

Contribution of the authors:

Semenova V. G. — participation in the development of the concept and methodology of research; statistical data processing; text writing.

Ivanova A. E. — development of the research concept; text editing; discussion of the results and conclusions.